

«Я НЕ СЧИТАЮ себя современным человеком. Сейчас всех волнуют проблемы успеха, выгоды, осторожности. Все это мне очень трудно понять. Я до сих пор чувствую себя ребенком в мире взрослых. Меня часто упрекают в наивности. Но, по-моему, быть наивным прекрасно, это значит — иметь моральное здоровье».

При жизни его называли «Большим Жаком», «неистовым Брелем». Высокий, слегка сутуловатый, в темном костюме, он выходил на сцену и с первых аккордов своих знаменитых песен «Амстердам», «Не покидай меня», «Прощальный ужин», подобно урагану, овладевал зрительским залом — глубиной и искренностью передаваемых чувств, необыкновенной творческой возбудимостью, неустойчивым тысячевольным темпераментом. В его концертах нередко играли два оркестра — не каждый музыкант выдерживал бешеный ритм солиста.

Дышать мечтою небывалой
Наперекор судьбе слепой,
Сгорать от внутреннего жара,
Шагать нехоженой тропой,
Любить до боли, до надлома,
Любить всегда, любить везде,
Любить всем сердцем, что
влекомо
К недостижимой звезде...

Жак Брель: *Сов. культура. - 1989 - 10 июня - с. 8*

ЯРОСТЬ И НЕЖНОСТЬ

В апреле этого года исполнилось бы 60 лет Жаку Брелю. Поэту, певцу, композитору, актеру, чья личность и судьба, и при жизни артиста окруженные ореолом легенды, продолжают волновать сердца современников. Большую часть своей короткой жизни Жак Брель, бельгиец по происхождению, прожил во Франции, здесь состоялась его творческая судьба, здесь он оставил о себе глубокую память. С годами интерес к творческому наследию Бреля не только не ослабел, но, напротив, усилился, о чем в первую очередь свидетельствует количество распродаваемых на Западе пластинок артиста, достигшее в последние годы рекордных цифр. Во Франции недавно вышла книга Оливье Тод о жизни Жака Бреля, мгновенно ставшая бестселлером. Известный режиссер-документалист Фредерик Россиф посвятил Брелю полуторачасовой фильм.

«Брель: один вскрик», — так назвал документальную ленту, посвященную своему знаменитому соотечественнику, бельгийский режиссер Кристиан Менил. В одночасовой фильм Менила, смонтированный из архивных материалов, вошли документальные кадры, словно иллюстрирующие то, о чем пел выдающийся артист: родная Фландрия, «равнинная страна», с ее каналами, серым северным небом и тяжелой темной водой, с ее обитателями, моряками в порту, фламандскими танцами. В фильме нашли отражение все основные этапы жизненного и творческого пути Жака Бреля: юность сына брюссельского фабриканта, первая встреча с песней, разрыв с семьей. Париж, полное отсутствие каких бы то ни было средств, выступления в заштатных кабаре, встреча с Жаком Канетти, прозванным «Кристофором Колумбом песен», открывшим, кроме Бреля, талант Брассанса, Ги Беара, Сержа Гэнсбурга; всенародная слава, уход со сцены, самозабвенная работа в кинематографе.

Всю свою жизнь Жак Брель бежал от упорядоченного, сытого, спокойного существования. В 24 года он, сын добропорядочных буржуа, презрев фамильный бизнес и слыша за спиной проклятия отца, броса-

ет все и уезжает в Париж. Позже он скажет: «Главное для меня — это двигаться, открывать новые миры. Больше всего я ненавижу устроенность. Она означает остановку». Уже в ранних песнях Бреля, далеких, быть может, еще от художественного совершенства, было то, что определило стиль, дух всего его дальнейшего творчества, — причудливое соединение проникновенного лиризма, удивительной теплоты с бескомпромиссным — жестоким, подчас язвительным отношением к окружающему миру. Духом непримиримого нонконформизма, презрением к бескрылости, пошлости человеческого существования наполнено творчество Жака Бреля.

Мы так спешим пригнуться,
Лишь ветер дунет вновь
И отголоски боя
Нарушат наш покой.

Мы так спешим уткнуться
В случайную любовь,
Едва она поманит
Уверенной рукой.

Мы так спешим пригнуться,
Укрыться от тревог
Хотя бы на мгновенье,
Чтоб стала тень у ног
Уютной детской тенью,
Сберечь, что накопил,
Ценою униженья.

Жить в полный рост — неужто
нету сил!

«Если хочешь убить поэта, накорми его», — гласит древняя мудрость. Жак Брель это хорошо понимал. Не потому ли, достигнув вершин успеха, он вдруг, неожиданно даже для самых близких ему людей, принимает решение покинуть эстраду, чтобы со всей присущей ему страстью души отдаться новой для себя стихии — кинематографу. Конечно, он не перестает писать стихи, записывает пластинки, однако «жить в полный рост» означало для Бреля прежде всего честность перед самим собой, максималистскую убежденность, что лавры успеха мешают художнику, приводят к старению, или, как он говорил, «обуржуазиванию» души. Императивами самоотреченного служения искусству поверяется антиконформистский дух поэзии Бреля. Об этом лучше всех сказал Ален Боске, известный французский литератор: «Жак Брель обладает безжалостной и жестокой красотой тех, кто не

прощает миру желания примириться с самим собой».

Это слишком легко:

заявляться во храм,
За бесстыдства взыскав
прощенья,

И, смежая глаза, чтоб
не видеть наш срам,
Нам дарует кюре отпущенье,
Замолчи, Большой Жак!
Что тебе этот бог!
Только лик да хорал
Ты припомнить бы мог.

Есть некий тайный, почти символический смысл в том, что Брель-актер начнется с музыкальной пьесы Дэйла Вассермана «Человек из Ламанчи», пьесы, в которой сыграет сразу две роли — Сервантеса и Дон Кихота. За несколько лет до ухода с эстрады он увидит бродвейскую постановку пьесы, и неудержимое желание толкнет его к неизведанному еще и вместе с тем осязаемо близкому. Сервантес — Дон Кихот. В этой двойной ипостаси Брель выразит собственный трагический взгляд на мир, бескорыстную одержимость мечтателя-одиночки. Это та одержимость, которую мы увидели в киногероях Жака Бреля в «Преступлении во имя порядка» Марселя Карне и «Зануде» Эдуарда Молинару. И пусть внешняя несхожесть этих персонажей — рохли, неудачника Пиньоля в комедии Молинару и полицейского следователя Бернара Левеля в социальной драме Карне, — не смутит читателя в этом сравнении. Сущностное сводится в них к одному уже упомянутому знаменателю — неистовому стремлению к добру и самоотречению ради добра. То, что Брель выразил всем своим творчеством и всей своей жизнью.

...Они дружили и часто встречались вместе, три великих артиста — Жак Брель, Жорж Брассанс и Лино Вентура. Обычно в доме Вентуры. И на этот раз, как нередко бывало прежде, Брель с Брассансом завели разговор о смерти. Мрачный и одновременно добродушный хозяин дома, не любивший подобных тем, попытался их остановить: «Прекратите, это дурная примета». Для Жака Бреля та встреча в кругу друзей оказалась последней — через несколько дней его не стало...

Азиз ОСИПОВ.